

А. Г. БОЛЕБРУХ

УДК 94 (477.75)

ЗИМА-ВЕСНА 1-2/2011 ГИМАНІТАРНИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: К СПЕЦИФИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕЦЕПЦИИ

Висвітлюються питання відносин між двома галузями гуманітарного знання - історії та художньої літератури, можливості на їх основі комплексного розкриття сутності суспільного розвитку певного історичного періоду.

Ключові слова: історична наука, художня література, пізнання, суспільство, людина.

Освещаются вопросы взаимоотношения двух областей гуманитарного знания - истории и художественной литературы, возможности на их основе комплексного раскрытия сущности общественного развития конкретного исторического периода.

Ключевые слова: историческая наука, художественная литература, познание, общество, человек.

The article shows the problems of relationship between the two areas of the humanities – history and fiction, the possibilities for them to an integrated disclosure of the nature of social development of a particular historical period.

Keywords: history, literature, knowledge, society, man.

Вот уже не один десяток лет в исторической науке Украины, как и России, периодически возобновляется обмен мнениями по поводу того, можно ли и каким образом привлекать факты из художественных произведений для нужд исторических исследований. Спор оказался сложным и трудно разрешимым, поскольку затрагивал саму сердцевину исторического изучения. Решить означенную проблему, однако, нужно, так как без этого выяснения историография лишается объемного видения исследуемых социальных объектов, потому что одним методом их познания (научным) обладает история, а другим (художественным) - литература. Только сообща они в состоянии дать всестороннее представление о сущности исторического процесса.

Разразившийся четверть столетия тому кризис исторической науки как-будто пошел на спад. О нем стали реже говорить, все разнообразнее репертуар издаваемой

литературы, все больше организуется научных конференций и симпозиумов, а самое показательное - все чаще выходят в свет теоретико-методологические разработки, порожденные потребностями нового этапа исторического познания.

Тем не менее кризис еще не преодолен, его присутствие ощутимо во многих сферах научной жизни. Можно предположить, что особенно трудно будет преодолевать постмодернистские схемы тем, кто искренне увлекся новейшими течениями, которые якобы привнесли в эпистемологию оригинальные идеи и методики. Определенное освежающее влияние постмодернизма на историографию 1980-90-х годов отрицать нельзя, но и преувеличивать его не стоит. Это влияние, писал Б. Могильницкий, «включает отказ от жестких априорных схем любого рода, претендовавших на обладание непогрешимой истиной, и связанного с этим строгого линейного детерминизма в

объяснении исторического процесса и составляющих его явлений. Следствием стали раскованность мысли и воображения, обращение к любым исследовательским стратегиям, выработанным современной наукой, принципиальное многоязычие постмодернистской культуры и, в частности, исторической методологии, развитие диалогических форм исторического познания, его эстетизация, обоснование понятия исторического дискурса как особой формы изображения прошлого, распространение микроисторических исследований и многое другое, составляющее в своей совокупности тот питательный бульон, из которого может вырасти новая парадигма истории, отвечающая современным научным и социальным реалиям, но никак не являющаяся по своей природе постмодернистской, а, напротив, отвергающая его основную интенцию» [12]. Постмодернистская цель состояла в том, чтобы отказать исторической науке в способности познать истину, затушевать отличие истории от художественной литературы, факта от вымысла; иначе говоря, лишить историю ее научного статуса. То положительное, что возникло во второй половине XX – начале XXI в., рождалось в дискуссиях с постмодернизмом и, преимущественно, вопреки ему.

В частности, в диспутах тех лет и в настоящее время серьезное внимание привлек междисциплинарный подход, на который возлагалась задача всеобъемлющего исследования общественного развития. Междисциплинарный синтез оказался чрезвычайно сложной процедурой. Как отметил известный специалист по данному вопросу И. Касавин, это следующие моменты исследовательской практики: «... контекст открытия, несоизмеримость теорий, дополнительность, политеоретическое описание, конфликт интерпретаций, невозможность радикального перевода, типы

рациональности, диалог, дискурс, конструктивность, Эти проблемы далеки от разрешения и только очерчивают концептуальную область, с которой связаны перспективы развития как эпистемологической, так и научно-методологической рефлексии» [7, с. 61]. Начальный этап разработки теории междисциплинарного подхода не позволяет применять его в полной мере. Поэтому чаще всего встречаем его, так сказать, экспериментальное использование; так, львовский историк В. Адодуров в монографии «Пророк у своїй Вітчизні. Франко та його спільнота (1856-1886)» (К.,2006), по словам Я. Верменич, „користується прийомом своєрідного „олітературення”, щоби вписати в канву історичних подій цікаві деталі і настроїти читача на проникнення у внутрішній світ своїх героїв - Наполеона, Луї Поттера, Шарля-Моріса Талейрана та ін.” А один из рецензентов отметил, что автор монографии балансирует «на межі наукового дослідження та історичного роману» [3, с. 161-162]. Конечно, это не междисциплинарный синтез, а попытка испробовать его возможности, тем не менее ? перед нами свидетельство назревшей необходимости его внедрения.

Сочетание гносеологических инструментов различных дисциплин методологи и философы считают перспективным направлением. В 2009 г. журнал «Вопросы философии» провел «круглый стол» на тему «Философия и литература: проблемы взаимоотношений» [19, с. 56-96]; выступивший на нем В. Кантор следующим образом обозначил связь философии и литературы: «Связь литературы и философии оказывается более глубокой, чем кажется деконструктивистам. Большие художники живут в атмосфере больших идей, только так и создаются великие произведения; ... любая литература или любая философия находятся в некоем мировом контексте, потому что - опять же апелляция к

Достоевському - Шекспир наш учитель, он есть человек, посланный Богом сказать нам правду о человеке и душе человеческой. То есть такого масштаба писатель живет в атмосфере больших контекстуальных смыслов мировой литературы и мировой философии. И разорвать их невозможно». Если В. Кантор остановился на общем у философии и литературы, то В. Лекторский пунктирно обозначил различие между ними: литература «обладает перед философией тем преимуществом, что является уникальным способом приобщения к чужому опыту на основе воображения и вчувствования, эмпатии, Создаваемые литературой миры и воплощенные в них смыслы легко «интериоризируются», становятся как бы частью личного опыта».

Философия же как научная область предполагает производство знания посредством понятий, категорий, методов, приемов изучения социальных объектов, а полученное знание становится проверяемым, повторяемым и достоверным.

История, занимаясь также обществом (правда, в прошлом его состоянии) и человеком, близка по своим интересам философии и литературе. В. Кантор, ссылаясь на Фр. Шлегеля, сказал: «... философ всегда имеет дело с вечными проблемами, он, как и историк, пророк, угадывающий назад» [19, с. 82]. Оставим, однако, философию временно за скобками и обратимся к нашей теме: взаимные отношения истории и литературы.

Рассмотрим соотношение исторической науки и художественной литературы в несколько ином, чем это сделали философы, ракурсе. На первый план вынесем аспект о качественном своеобразии знаний, предоставляемых нам учеными-историками и художниками слова; о характере их достоверности, социальной миссии.

Сведения о минувших временах вначале, с античности, выступали в образной форме. Блестящим воплощением этой традиции историописания являются поэмы Гомера

«Илиада» и «Одиссея» (VIII в. до н.э.). Органичное совмещение в одном пылливом взгляде на мир рационального и эстетического начал, бытовавших еще в нерасторжимом единстве, создавало неповторимый образ минувшего.

Через два с половиной тысячелетия В. Белинский придал античной манере повествования своего рода теоретическое обоснование, Сознавая специфичность научного и художественного методов познания, он указал на их взаимодополняемость; история, утверждал знаменитый критик, демонстрирует «... что было», а литература - «как было». В результате мы получаем целостное представление об общественной жизни. Мысль В. Белинского стоит того, чтобы привести ее в развернутом виде: «Задача историка - сказать что было; задача поэта - показать, как было: историк, зная, что было, не знает, как было; поэту нужно только узнать, что было, и он уже видит сам и может показать другим, как оно было. И потому, если наука оказывает поэзии услуги, сказывая ей о том, что было, то и поэзия, в свою очередь, расширяет пределы науки, показывая ей, как было» [1, с. 571].

В продолжение XIX в. идея о плодотворности сотрудничества истории и литературы неизменно пользовалась признанием, хотя теоретически почти не разрабатывалась. Это столетие было не только, как известно, веком истории, но и блестящей литературной эпохой. В самом его конце видный историк В.Ключевский, на примере «Недоросля» Д. Фонвизина и «Евгения Онегина» А. Пушкина, убедительно показал, как и чем талантливые художественные творения могут служить историку-исследователю.

Почин В. Ключевского получил развитие в советском, затем российском и украинском источниковедении второй половины XX-начале XXI в. И хотя А. Предтеченский считал, что большинство историков склонно «усомниться в самой возможности использования литературных произведений

как источников в исторических трудах» [16, с. 76-85], тем не менее было немало и таких ученых, которые допускали подобную «операцию» в известных исследовательских обстоятельствах.

Обобщенную картину обсуждений в 1950-70-х годах этой проблемы подготовила Н. Миронец [13, с. 125-141; 14, с. 39-45]. По ее мнению, отечественные исследователи (И. Еремин, Д. Лихачев, А. Люблинская, Г. Саар, И. Смирнов, М. Тихомиров, И. Шерман и др.) были почти единодушны насчет оправданности привлечения литературной информации для периода Средневековья, небогатого источниками, но в отношении Новой и Новейшей истории, по господствующему убеждению ученых, особенно источниковедов, художественная литература может выполнять главным образом иллюстративную роль. Стоит сказать, что ряд известных историков (Я.Исаевич, С. Ланда, М. Нечкина, Н. Эйдельман и др.) широко черпали подобный материал из художественной литературы.

Видимо, сама исследовательская практика вынуждала источниковедов возвращаться к вопросу о принципах сочетания научно-исторических и литературно-художественных фактов. В 70-80-х годах об этом писали М.Варшавчик, В. Стрельский, А. Пушкарев, С. Шмидт и др. В частности, высказывалось мнение о допустимости учета писательских наблюдений при изучении таких тем, как общественная мысль, духовная культура, быт, нравы, идеалы и проч. Из последних работ назовем учебное пособие В. Кабанова [6, с. 339-340], в котором художественная литература включена в виде дополнения в структуру источниковой базы науки, правда, в основном по истории повседневности.

Начало XXI в. ознаменовалось несколько иным подходом историков к художественным произведениям. Появилось коллективное исследование «История России XIX-XX веков: новые источники понимания» (М., 2001), авторы которого считали литературу важным средством

углубления знаний об изучаемой эпохе. В таком же ключе можно охарактеризовать цикл статей в журнале «Отечественная история» (2002, № 1). Обзор данных публикаций осуществил В. Зверев и сделал следующий вывод: «Появление рецензируемых изданий - свидетельство все более растущего интереса к новым проблемам, нетрадиционной тематике исследований, разработке иных методологических принципов в исследовании прошлого, аналитического инструментария. Представленные работы находятся на пересечении весьма перспективных направлений научного поиска: исторической антропологии, антропологически ориентированной истории и источниковедения. При некоторых различиях в предмете изучения, тематике, специальных вопросах их объединяет общечеловеческое измерение минувшего» [5, с. 161-166]. Рецензент подчеркнул, что отношение к литературе как к иллюстративному материалу «уже кануло в Лету», но совершенно не затронул кардинальный аспект проблемы: каким образом можно соединить литературные и научные факты. Хотя вполне справедливо писал, что литература - это «один из системообразующих элементов мировоззрения, сочетающего рациональное и образное восприятие действительности» (С. 161). Тем самым участники этих коллективных трудов косвенно признали перспективность учета результатов двух равноправных методов познания (И. Беленький, Ю. Никуличев, А. Соколов, Ю. Поляков, М. Румянцева, С. Шмидт и др.). Однако ... на этом и остановились.

Авторы отдельных статей в названных выше работах (А. Куприянов, С. Секиринский, Н. Цимбаев, А. Соколов и др.) писали о ценных фактических данных в сочинениях тех писателей, которые «заслужили у своих современников репутации знатоков, хроникеров, бытописателей разных сторон и явлений жизни русского общества». Можно

предположить, что в данном случае реальные факты предпочитают художественным, а сами писатели оцениваются не с точки зрения своего профессионального амплуа. Не случайно С. Шмидт подчеркивал, что литература может быть источником исторических знаний [22, с. 40-49], а не исторической науки. Исторические же знания значительно более широкое понятие, чем историческая наука.

К сожалению, до сих пор специально не сравнивались в теоретическом отношении исторические и художественные факты, что существенно препятствует выяснению их соотношения и возможности исследовательского взаимодействия.

Прежде всего следует понять природу одних и других, для чего целесообразнее начать с уточнения понятия науки как таковой, учитывая современные трактовки этого феномена. По мнению авторитетного российского философа В. Степина, наука ? это «особый вид познавательной деятельности, направленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний» [18]. Он разграничил науку и другие формы познавательной деятельности: обыденной, художественной, религиозной, мифологической; все они являются средствами «постижения мира», каждая собственными способами и с несхожими выводами.

Детализированную характеристику науки, то есть «положительного знания», предложил новосибирский ученый Н. Розов: «Под положительным знанием здесь понимается суждение (совокупность суждений), которое: а) подкреплено эмпирически (принцип корреспондентности); б) согласуется с ранее принятыми теориями (принцип когерентности); в) используется в последующих исследованиях в качестве основания (принцип превращения в основание); г) принимается большинством специалистов, либо же доля принимающих это положение быстро растет при смене поколений (принцип монотонного роста

согласия, или просто принцип согласия); д) фиксируется в профессиональных учебных пособиях в качестве не частного мнения, но достигнутого практически общепринятого знания (принцип образовательной трансляции)» [17].

Взгляд ученого-практика на науку изложил в недавнем (сентябрь 2009 г.) интервью радио «Свобода» сотрудник Института ядерной физики РАН А. Панов. «Наука, с моей точки зрения,- говорил он,- это такой метод познания, который приводит к воспроизводимым результатам, Воспроизводимый результат - это такой результат, который любой человек (т.е. любой исследователь, - А.Б.) может тем же способом воспроизвести и получить то же самое. В науке фиксировано два метода получения воспроизводимого результата. Это, во-первых, дедукция или вычисление, это синонимы, и во-вторых, это воспроизводимый эксперимент или воспроизводимое наблюдение». А. Панов сделал акцент как раз на механизме получения научного знания, достоверного и проверяемого.

А. Панов затронул и гуманитарную сферу; он считает, что критерий научности к ней применим только выборочно. Так, философию он не причислял к науке: «Философские истины не воспроизводимы и скорее всего именно это является причиной существования обилия конкурирующих друг с другом несовместимых философских систем». То же самое можно сказать о художественной литературе, так как каждое произведение уникально и неповторимо. Иное дело - история философии и история литературы: «В отличие от самой философии, - продолжал А. Панов,- история философии является наукой. Она имеет дело с существующими философскими системами, которые зафиксированы в источниках, а изучение источников является вариантом воспроизводимого наблюдения. Каждый, кто имеет дело с этим источником, получает одну и ту же информацию, ее можно

проверить». Историю он тоже относил к разряду наук, поскольку историки основывают свои выводы на источниках и ставят цель выработать достоверное знание.

И все же история заметно отличается от естествознания прежде всего тем, что ее источниковая база является вторичной по отношению к объектам изучения - событиям прошлого. Исторический источник - это субъективное отражение фактов минувшего; ученый, исследуя находящиеся в его распоряжении источники, естественно, добавляет известную долю собственного субъективизма, сводимого к минимуму профессионализмом и совершенством применяемого методического инструментария. Субъективный фактор, безусловно, присутствует в истории - как, впрочем, и в других гуманитарных дисциплинах, но он не отменяет принцип научности, а только придает ему своеобразие в сравнении с естествознанием.

Степень достигаемой истины в исторической науке зависит от таланта исследователя и глубины его интуиции, от досконального овладения всем дошедшим корпусом свидетельств об изучаемом предмете. При этом и интуиция, и воображение (в отличие от аналогичных способностей писателя) модулируются явной и потенциальной информацией источника, которая, в свою очередь, порождена реальными объектами.

Художественная литература не относится к научным секторам гуманитаристики. Она использует особый, художественный метод постижения социального мира, принципиально отличающийся от научного. Но не менее ценный. Известный литературовед Н. Берковский писал (1967 г.): «Один из самых блистательных деятелей точной науки, к несчастью уже выбывший из числа наших современников, рассказывал, какое для него значение имело знакомство с филологией, с ее манерой мыслить... Науку всегда

изумляла познавательная способность, присущая художнику»[2, с. 480].

Уникальность познавательных возможностей искусства отметил Ортега- и-Гассет; основатель учения рациовитализма, близкого антропологическому направлению в современной философии, писал: « Это означает, что вещи всегда те же самые, что из их материала нельзя выкроить ничего нового. Но вот поэт толкает внезапно вещи в вихрь и танец. Подчиненные этому скрытому динамизму, вещи обретают новый смысл, превращаются в другие, новые вещи.

... я говорю, что произведение искусства приносит нам особое наслаждение, потому что нам кажется, что нам открывается внутренняя жизнь вещей, их осуществляющаяся реальность, - и рядом с этим все сведения, доставленные наукой, кажутся только схемами, далекими аллюзиями, тенями, символами»[15].

Эстетическая природа литературы зиждется на слове и образе. «Слово,- читаем в современном словаре, - вечный строительный материал литературы и ее образов, Образность заложена в самой основе языка, который создается народом, вбирает в себя весь его опыт и становится формой мышления. Исторический процесс складывания языка, включающий в себя перенос схожих черт от явления к явлению, насытил его ассоциативным видением мира и подготовил к художественному отражению действительности. Гегель называл слово самым пластичным материалом, непосредственно принадлежащим духу». Анализируя литературное произведение, нужно учитывать следующее: «Отдельные науки абстрагируют одну из сторон реальности. Художественная же литература берет реальность в ее целостности, в переплетении и взаимодействии ее различных свойств и особенностей. Поэтому, в отличие от научного, в художественном тексте каждая фраза является единственно возможной (в научном тексте это касается почти исключительно определений и понятий.-

А.Б.), в ней ничего нельзя изменить без ущерба для выразительности и смысла» [23, с. 221].

А. Чехов как-то заметил: «Настоящий писатель - это то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди» [21, с. 299]. По сути, речь шла о сущности художественной интуиции, позволяющей прозревать за сутолокой явлений перспективную значимость определенных тенденций социального бытия. Эта интуиция была затребована самой жизнью: «... реальность, если верить Гегелю, не покрывается действительностью, - пишет один литературовед. - Значит, не так важно то, что реально в новой картине жизни, а что в ней лишь суггестивный (навешанный) морок, лишенный сути. Политикам веры нет по определению, но порой даже философы не могут разобраться в этом. И лишь поэтическая интуиция способна угадать, что войдет в нас со временем и останется навсегда» [4].

В. Ермаков несколько вольно воспроизвел известный тезис Гегеля «Все действительное - разумно, все разумное - действительно», в свое время введший В. Белинского в досадное заблуждение. Смысл же этого тезиса состоял в том, что в жизни только все разумное вправе считаться действительным и наоборот, остальное ? реальность, не заслуживающая стать будущим. Поэтому (тут В. Ермаков прав) художественная интуиция предоставляет возможность разобраться в подлинном достоинстве сложных жизненных явлений. Об этом сказал и Гете словами доктора Фауста:

Пергаменты не утоляют жажды.

Ключ мудрости не на страницах книг.

Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,

В своей душе находит их родник.

Интуиция (лат. *intuitio* – пристально смотреть) - уникальная человеческая способность постигать истину непосредственно, без предварительного анализа и обоснования. Она опирается на

ранее накопленный жизненный и профессиональный опыт. В художественной литературе обобщенные результаты такого постижения воплощаются в образной форме. Б. Кроче, близкий по взглядам к интуитивистской эстетике А. Бергсона, антирационалистической по своему духу, полагал (и это наблюдение не лишено основания), что научное понятие - это однозначное представление о предмете, а художественный образ многозначен [23, с.170]. Это утверждение (правда, Б. Кроче интерпретировал его по-своему) касается важного отличия научной интуиции от художественной: если первая в своем ядре содержит аргументы, доказательства истины, то есть решения какой-то теоремы и т.п., то художественная истина появляется как озарение, не требующее никаких доказательств и лишь потом, при создании образа, прибегающее к рациональному началу, но уже как вспомогательному средству.

Художественный образ по своей природе многозначен. Ссылаясь на Гегеля, Я. Лукашевская пишет об этом: « Он видел в образе такое «явление, в котором непосредственно через само внешнее и его индивидуальность мы в нераздельном единстве с ним познаем субстанциальное, а тем самым перед нами оказываются во внутреннем мире представления в качестве одной и той же целостности, как понятие предмета, так и его внешнее бытие». Согласно Гегелю, образ позволяет человеку увидеть предмет во всей его реальной конкретно-чувственной полноте» [11]. Специальный литературоведческий словарь приводит такое определение: «Образ - не просто копія чи фотографія якогось життєвого факту чи людини, - письменник немовби заново створює життя й покаже його в живій відчутній речевості й рухові. Відтворюючи життя в образах, письменник разом з тим через них виражає свої почуття та ідеали” [10, с. 247].

В. Ключевский, как отметил В. Хвостов, констатировал существование двух

способов познания: философского (научного) и поэтического (художественного) и, раскрывая смысл последнего, писал, что «житейские впечатления схватываются воображением или чувством, складываясь в стройное здание образов или в цельное жизненное настроение» [20, с. 4-5]. Обратим внимание на последнее слово, оно весьма красноречиво, ибо для писателя на первом плане не донести читателю какое-либо знание, а воздействовать на его душу, а через нее и на его разум. В заметке «Искусство и мораль» (1898 г.) В. Ключевский тонко заметил, что «художник не передает (т.е. не описывает простыми словами.- А.Б.) испытываемое им чувство, а создает в других чувства (намеренно или бессознательно)...» [8, с. 309], создает, добавим от себя, образной системой текста.

Отличие исторической науки от художественной литературы кроется не только в методе познания, но и в предмете преимущественного внимания. И писатель, и историк пристально вглядываются в общество, однако пытаются рассмотреть в данном общем объекте не одно и то же. Научный взгляд сосредоточивается на подлинных фактах, их реальных причинах и последствиях, закономерностях функционирования определенного социума. Автора художественного произведения привлекают те явления, которые выразительно выявляют свою сущность на нравственной шкале «добро - зло» и тем самым обнаруживают положительные или отрицательные процессы в общественной жизни, факторы, влияющие на поведение людей. И это, пожалуй, не самое главное для литератора. Главное - передать художественным способом свою обеспокоенность состоянием социального здоровья, эмоциональную тревогу за ходом нравственного, духовного самосовершенствования общества. Современный болгарский писатель И.Динков высказал («Иностранная литература», 2009, № 8) удивительно верную мысль: «Гений не может поднять простого

смертного до собственной высоты, но он, по крайней мере, понуждает его следить за своим полетом». Именно в этом и заключается как талант, так и призвание писателя.

Таким образом, нельзя согласиться с утверждениями постмодернистов о креативной близости (или, тем более, тождестве) исторической науки и художественной литературы. Они представляют собой два достаточно различных и самостоятельных способа освоения социальной среды. У них различны предметы изучения, ракурсы видения материала, получаемые результаты, а в итоге - иная социальная миссия. Исследуя «людей во времени» (М. Блок), историк и литератор ставят перед собой и решают специфические задачи. Историк как ученый призван достоверно воспроизвести картину того, что было в действительности, литератор как художник также стремится представить реальность, но не через полноту исторически определяющих ситуаций, объективно существовавших, а при помощи отбора тех из них, которые субъективно воспринимались обществом как благоприятные или вредоносные для социального и духовного здоровья. Тем самым в талантливых художественных произведениях воплощается более наглядно и осязательно, нежели в исторических трудах, общественная оценка исторического процесса конкретной эпохи. Сказанное можно выразить иными словами: если в истории мы находим аргументированное знание о происшедшем и его причинных взаимосвязях, то в художественной картине - его эстетически-эмоциональное восприятие обществом.

Поэтому приведенные в начале статьи слова В. Белинского нужно, как кажется, несколько скорректировать, хотя разность подходов «историка» и «поэта» подмечены им совершенно верно.

Последнее замечание. Изложенные доводы позволяют, с нашей точки зрения, констатировать следующее. Персонажи,

эпизоды, оценки, взгляды и т.д. художественного произведения - порождение принципиально отличающейся от научно-исторической познавательной системы, а потому использование (без всякой оговорки) литературных «фактов» в исторических трудах нельзя признать обоснованным. Думается, когда В. Ключевский писал, что историческими фактами (и «очень важными») являются не одни события, но также «взгляды, чувства, впечатления, людей определенного времени» [9, с. 315], он не думал отождествлять научное (источниковое) и художественное знание.

А потому сведения, почерпнутые из художественных сочинений, можно привлекать исключительно с иллюстративной целью для того, чтобы оттенить какое-то научное положение. Возможен и другой вариант, но он потребует кардинальной смены методологической стратегии и обращения к междисциплинарному синтезу.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский В. Г. Римские элегии// Белинский В.Г. Эстетика и литературная критика: Избранное. В 2 т. – М., 1959. Т.1.
- Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. – М., 1989.
- Верменич Я. В. Мікроісторія як проблемне поле соціогуманітарних досліджень// Український історичний журнал. 2010. № 4.
- Ермаков В. Темен жребий русского поэта// Дружба народов. 2010 № 6 (<http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/6/er.html>).
- Зверев В. В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику// Вопросы истории. 2003. №4.
- Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. Курс лекций. – М., 1997.
- Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии// Вопросы философии. 2010. № 4.
- Ключевский В.О. Неопубликованные произведения.- М., 1983.
- Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т.- М., 1990. Т.9.
- Лесин В.М., Пулинец О.С. Словник літературознавчих термінів.- К., 1965.
- Лукашевская Я. Понятие «художественный образ» и проблемы его изучения в первобытном искусстве// http://www.gumer.info/bibliotek_buks/Culture/Article/luk_pon.php
- Могильницкий Б.Г. История на переломе. Некоторые тенденции развития современной исторической мысли// Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований.- М., 2004 (http://www.history.vuzlib.net/book_o004_page_5.html).
- Миронец Н.И. Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса)// История СССР. 1976. № 1.
- Миронец Н. И. Художня література як джерело вивчення історії// Український історичний журнал. 1984. №. 3.
- Ортега-и-Гассет Х. Эссе на эстетические темы в форме предисловия// http://www.gumer.info/bogoslov_buks/Philos/Gasset/esse.php.
- Предтеченский А.В. Художественная литература как исторический источник// Вестник Ленинградского государственного университета. Серия истории, языка и литературы. Вып.3. № 14. Л., 1964.
- Розов Н.С. Воспроизводимость результатов в социальных науках и метод теоретической истории(2001г.)// <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001099/st000/html>.
- Степин В.С. Наука и философия// Вопросы философии. 2010. № 8. С.59.
- Философия и литература: проблемы взаимоотношений// Вопросы философии. 2009. № 9.
- Хвостов В.М. Историческое мировоззрение В.О.Ключевского, М., 1910.
- Чехов А.П. О литературе. – М., 1955.
- Шмидт С.О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний// Отечественная история. 2002. № 1.
- Эстетика. Теория литературы. Энциклопедический словарь терминов.- М., 2003.
- <http://www.slovopedia.com/6/205/770842.html>.

